

Гелий Жеребцов: В околоземном космосе мы должны ориентироваться, как в собственном доме

Недаром считается, что имя способно влиять на судьбу человека. Ровно 70 лет назад в Тайшете на свет появился младенец, которого бабушка нарекла Гелием, что в переводе с греческого означает «солнце».

Она тогда и не догадывалась, что ее любимый внук будет руководить одним из крупнейших в России храмов науки космического направления. 17 сентября юбилей отметил директор Института солнечно-земной физики СО РАН Гелий Жеребцов. Это выдающийся ученый, который координирует в нашей стране программу фундаментальных исследований по космической погоде. Сегодня он живет идеей создания в Приангарье мощного экспериментального комплекса по изучению солнечной системы и околоземного космического пространства.

– Все мы родом из детства. Расскажите о своих родителях, они как-то повлияли на ваш выбор жизненного пути?

– Я родился в обычной рабочей семье. Мама трудилась счетоводом, отец всю жизнь посвятил строительству. Он возводил здания, прокладывал железную дорогу. Во время войны, когда шла оккупация наших южных земель, нужно было строить дороги к нефти на Севере. Папу с этой целью отправили на Печору (Республика Коми), и мы, конечно же, туда за ним поехали. Так что о северных сияниях я не понаслышке знал с самого детства.

Поскольку я был старшим ребенком в семье, приходилось много помогать родителям: маме в огороде, папе на заготовке дров и т.д. Мы вообще кардинально отличались от нынешних подростков – больше ценили свободное время, не слонялись просто так по дворам, а много занимались спортом – стрельбой из лука, волейболом, играли в городки. Очень много читали. Молодежные уличные команды у нас в Тайшете формировались очень интересно: во главе всегда стоял самый старший парнишка – 15–16 лет, которому все наши родители безоговорочно доверяли.

Я рос самостоятельным ребенком. Когда мне не было и семи лет, маму с бабушкой отправляли на лесозаготовки, и я целую неделю жил с двумя малолетними сестрами. Вот такие жизненные ситуации, по-видимому, с детства формируют в человеке чувство ответственности и командирский характер.

– В школьные годы все ученые, наверное, круглые отличники и активисты...

– Я учился в Тайшетской железнодорожной школе. Ничем среди других ребят не выделялся. Единственное, меня и еще нескольких мальчишек очень увлекали физика и математика. Эти предметы у нас преподавал учитель «от Бога» – Александр Андронович Коляда. Педагогического образования у него не было. Работать в школу он пришел из армии, где служил артиллеристом. Все мы в нем души не чаяли. Он имел особый дар играючи рассказывать о сложных вещах, а выделял он нас особым образом – давал дополнительные задания. Мы все бросали и, соперничая друг с другом, решали задачки из каких-то учебников, которых у него было множество. Когда я учился в седьмом классе, он подбросил мне брошюрку о том, как самостоятельно сделать электродвигатель. Я сделал. Правда, тогда электрических паяльников не было, я в печке паяльник грел. А обрывки проводов мне дали на телефонной станции. Потом все лабораторные работы по электричеству все делали со школьным моторчиком, а я – со своим.

– После одиннадцатого класса вы окончательно определились с техническим направлением будущей профессии?

– Да, и отправился поступать в Томский политехнический институт. Все испытания выдержал с достоинством,

за исключением английского языка. В школе его преподавали плохо – все время заменяли то французским, то немецким. В Тайшет я вернулся очень расстроенным. Это был первый серьезный удар в моей жизни: я понимал, что здесь знаний по иностранному языку уже не получу, и не знал, как решить проблему. Пошел работать электрослесарем на авторемонтный завод, где в то время было много репрессированных. В их числе – мастер нашего электроцеха Вениамин Яковлевич Грудинин. Потом его реабилитировали, и он уехал. А когда я поступил в Иркутский государственный университет, на первом лабораторном практикуме встретил его: он работал преподавателем.

– Любовь к науке появилась на отделении радиопизики?

– Честно говоря, я был не очень целеустремленным студентом, хотя учился нормально. А о науке и вовсе не думал. Когда после четвертого курса пришло время проходить практику, друзья предложили мне поехать с ними в сторону Мегета, где возле карьера находился какой-то закрытый институт со сложным названием – Сибирский институт земного магнетизма, ионосферы, распространения радиоволн (СибИЗМИР). Приехал туда без особого желания, зашел в первое попавшееся здание, в котором была ионосферная станция, бывшая обсерваторная конюшня. Познакомился с руководителем этой станции Виктором Дмитриевичем Кокоуровым, который позже стал моим учителем, а потом до конца своих дней помогал мне руководить институтом – был заместителем директора.

Практику я прошел без особого удовольствия. Вообще выбранное дело оказалось не очень интересным, поэтому, когда на пятом курсе встал вопрос, чем заниматься, я ответа не нашел. В марте пришли ко мне в общежитие друзья и говорят: «Что ты тут сидишь? Нас заведующий кафедрой попросил найти пять толковых ребят, которые поедут в Пензу – собирать на заводе электровычислительную машину «Урал-14» для нашего университета. Учиться не будем, госэкзамены сдавать не будем. Полетим через Москву, поживем там три дня». Пожалуй, последний аргумент был единственным и сильным, убедившим меня тогда согласиться поехать. Действительно, побывали на Красной площади, посетили музеи столицы, а потом поездом отправились в Пензу. В начале июля мы вернулись домой, запустили машину и защитили дипломы.

Однако и на этом этапе наука меня не зацепила, а скорее наоборот, оттолкнула от себя. Я понял принцип работы этой техники, поэтому изучать ее возможности дальше и заниматься эксплуатацией стало совершенно не интересно.

– Что же все-таки заставило вас оставить работу в университете и вернуться в СибИЗМИР?

– Осенью я женился на студентке из параллельной группы, а ее распределили в Норильск – в обсерваторию СибИЗМИРа. Тогдашний директор института Николай Михайлович Ерофеев пригласил меня к себе 19 февраля 1964 года и сказал: «Вот тебе ключи, собирайся и поезжай. Там есть два десятка людей, недостроенная обсерватория. Ничего не работает, никто ничего не умеет делать. Все в твоих руках – ты будешь руководить организацией обсерватории». Мы ничего не стали говорить родителям и в марте уехали в Норильск. Следующие десять лет стали невероятно трудными, но, как оказалось впоследствии, лучшими в моей жизни.

Слияние с наукой происходило сложно, но интересно. Вокруг все молодые, амбициозные. Каждый день думал: вот сегодня отработаю, а завтра уеду. Только через три года в обсерватории началась настоящая работа – регулярные наблюдения за ионосферой, магнитным полем Земли, космическими лучами, полярными сияниями. Еще через три года стало ясно, что у нас сложился очень сильный и дружный коллектив. А когда серьезно заболел сын, да и мое здоровье тоже пошатнулось, мы вынуждены были покинуть Норильск, это была трагедия.

Ведь я периодически бывал на материке – в Иркутске или Москве. Там меня раздражали необязательность и черствость людей. Понимаете, на Севере жизнь другая, иной климат человеческих отношений. Наверное, здесь и началась моя учеба как организатора и руководителя. Здесь я почувствовал, что такое настоящая ответственность за дело, за людей, как важна в работе твоя личная преданность и преданность твоих коллег. Да, это была большая школа...

– Вы начинали с одной обсерватории, а сегодня руководите целым десятком. Как удалось в нелегкие перестроечные годы сохранить экспериментальную базу Института солнечно-земной физики СО РАН?

– Когда в 1981 году меня назначили директором, институт представлял собой огромную строительную площадку – от Норильска до южных границ. Создавались уникальные инструменты. Чего стоит один Сибирский солнечный радиотелескоп, за разработку которого авторскому коллективу Института присудили

премию Правительства РФ в области науки и техники. В то время председателем Сибирского отделения Академии Наук СССР был Валентин Афанасьевич Коптюг. Он на вертолете облетел все наши площадки и был приятно поражен тем, что увидел.

В Новосибирске тогда наука строилась под руководством великих ученых и на основании специальных решений ЦК КПСС, а у нас все создавалось на энтузиазме. Здесь нас заметили и стали помогать. Но не все было гладко. Однажды от отчаяния даже заявление об уходе написал. Валентин Афанасьевич тогда меня так отчитал, что я на всю жизнь запомнил. Он объяснил мне, насколько ответственная у меня должность, и посоветовал биться, доказывать, бороться, если считаю себя правым. Вот этим с тех пор я все время и занимаюсь. Особенно это пригодилось в 1990-е годы, когда отовсюду только и слышал: «Нет денег. Закрывай».

Но как я могу закрыть, когда столько сил отдано, жизни человеческие положены. Как я могу закрыть Большой телескоп в Листвянке, когда Валерий Гаврилович Банин там все строил. Сейчас его уже нет, и мне кажется, что он смотрит оттуда на меня и спрашивает: «Выстоишь ли?». Как я могу закрыть горно-солнечную обсерваторию, когда за ней стоят Владимир Евгеньевич Степанов, Геннадий Яковлевич Смольков, Виктор Михайлович Григорьев, Георгий Вячеславович Куклин и многие-многие другие. Не в этом ли и есть моя миссия – выстоять и сохранить? Наверное, так...

– Вы постоянно совмещаете свое основное место работы с дополнительными. В течение десяти лет возглавляли Иркутский научный центр СО РАН, работали заместителем губернатора по науке и научно-технической политике...

– Работая в областной администрации, я понял, что заниматься наукой и ждать помощи от руководства региона – это абсурд. Сегодняшняя общественно-экономическая формация устроена так, что ученым рассчитывать на поддержку властей не приходится. Раньше, во времена Советского Союза, в обкомах партии функционировали отделы науки. Во время моего вице-губернаторства нам удалось принять региональный закон, в котором мы определили, что 2% от расходной части областного бюджета будет тратиться на науку. Правда, потом все это отменили, так как нашли противоречия с Гражданским кодексом, и решили, что будем устраивать конкурс на финансирование проектов, которые непосредственно принесут пользу экономике региона.

Но фундаментальная наука никогда не сможет заниматься решением насущных проблем в интересах области. Мы, конечно, можем превратить институты в прикладные инженерные центры, но тогда науке будет нанесен непоправимый ущерб, а вот добавить в копилку прикладных работ вряд ли удастся. Наука – часть нашей многонациональной культуры и имеет огромное социальное значение. Это надо понимать и всячески культивировать.

У нас с вами второй научный центр в СФО после Новосибирска, а население не знает об ученых и их разработках ничего. Все говорят с утра до ночи об инновациях, хотя большинство и понятия не имеет, что это такое. Я убежден, что промышленность и бизнес пока к ним не готовы. У ученых есть огромное количество результатов фундаментальных исследований, а звена, которое бы их доработало, нет. Это одна из причин. Другая – надо сделать так, чтобы на смену пресловутому «внедрению» пришел «промышленный шпионаж», т.е. промышленность должна выискивать все то, что может повысить ее эффективность.

– Ваш институт уже пять лет проводит исследования по проблеме, которую во многих странах называют «космическая погода». Расскажите о сути и перспективах этой работы.

– Околоземный космос – это неотъемлемая часть нашей планеты. Это пространство заполнено космической плазмой – разного сорта заряженными и нейтральными частицами. Состояние околоземного космоса зависит от солнечной активности. Космос не только продолжает активно изучаться, но он уже практически превратился в сферу непосредственной человеческой деятельности. Там работает огромное количество космических аппаратов различного назначения, в том числе и те, что обеспечивают нашу безопасность, включая военную. Оказывается, эффективность и надежность работы «начинки» спутников очень сильно зависят от физического состояния околоземного космоса – во время солнечных вспышек иногда выходит из строя радиоэлектронное оборудование, нарушается радиосвязь, возникают помехи. Происходят большие неприятности и на Земле – выходят из строя линии электропередач, сбои в различных диапазонах связи и много-много других бед может случиться. Поэтому важно хорошо знать и понимать происхождение таких процессов, уметь предвидеть их и принимать соответствующие меры, то есть мы должны знать околоземный космос, как собственный дом, и чувствовать себя в нем комфортно.

Для этого надо обладать современной экспериментальной базой – нужны новые крупные оптические телескопы, новые радиотелескопы, новые диагностические радиофизические измерительные комплексы. Мы многое потеряли, когда стали заниматься только «общечеловеческими ценностями» и рыночной экономикой. Науке был нанесен сокрушительный удар как одной из составляющих коммунистического строя. Абсурд?

Конечно теперь, когда, наконец, приходит понимание всего содеянного, у некоторых деятелей опускаются руки – как восстановить? Придумывают различные варианты, вроде проведенной в науке реформы, которая не только неэффективна, но может окончательно добить то, что еще осталось. Но надо сказать, что научная общественность – это сила, большая сила, с которой вынуждены считаться все. Это факт, и факт отраднй. А доказательство тому – принятие нового Устава Российской Академии Наук. Наука не может останавливаться, если она останавливается, она умирает. Наука постоянно нуждается в обновлении – в приборах, оборудовании, кадрах...

В прошлом году положение в нашем научном направлении, а именно в исследованиях космоса, я подробно обсуждал с президентом Владимиром Путиным. Это была встреча деловая и принципиальная.

И были приняты конкретные меры по дальнейшему развитию этих фундаментальных исследований. Вот реализацией всего задуманного и запланированного я со своими коллегами сейчас и занимаюсь, а именно – созданием Государственного научного центра по гелиогеофизике на базе обсерваторий нашего института. Задача очень сложная, неимоверно трудная, но очень важная и интересная.

Автор: Оксана Хлебникова © Областная газета НАУКА И ТЕХНИКА, ИРКУТСК 👁 1983 20.09.2008, 14:55
👍 138

URL: <https://babr24.com/?ADE=47621> Bytes: 14088 / 14032 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)